

В соответствии с календарем города Гусу сейчас стояло лето. Жара, впрочем, так и не наступила, зато дожди зарядили один за другим.

Сян Наньли только закончил набивать мешок свежими грибами, как небо заволокло тяжелыми грозовыми тучами. Спустя пару минут громыхнуло, и на иссохшую землю обрушился яростный ливень.

В низине холма грибные быки под дождем начали терять объем, напоминая размокшие комья ваты. Из нежно-розовых они превращались в багрово-красных, из-за чего становились похожи на ободранных ксеноморфов.

«Грибные быки» — так Сян Наньли окрестил эти грибные организмы. Среди них попадались не только подобия коров, но и овцы, свиньи, олени — практически любые привычные домашние звери. В загоне даже лениво переминались с лапы на лапу несколько упитанных грибных кроликов.

Сами животные меланхолично помахивали хвостами, продолжая бесцельно бродить за решеткой. Вода, стекавшая с них на траву, окрашивалась в бледно-розовый цвет и быстро впитывалась в землю.

Даже зная, что этот вид грибка не слишком заразен, Сян Наньли наблюдал за этой картиной с содроганием. Любая экосистема — это замкнутый цикл, и последствия могут быть непредсказуемыми.

Ливень над пастбищем только расходился.

— Воду из источников обязательно нужно дезинфицировать и кипятить, — озабоченно напутствовал Сян Наньли. — И техническую, и бытовую. Похоже, чёрный нитчатый грибок не слишком живуч, но рисковать нельзя.

Металлическое лицо Эндрю по-прежнему сияло неизменной вежливой улыбкой, однако Восточный Зелёный Император уловил, как в цепях робота слегка подскочило напряжение. У машин это не всегда означало гнев — порой так проявлялось банальное волнение.

— Дождь расходится, пора возвращаться, не хватало еще простудиться, — Восточный Зелёный Император мягко подтолкнул Сян Наньли к машине, после чего обернулся и негромко спросил у Эндрю: — Жители Вечного города поколениями смешивались с биохимическими воинами и регулярно пили разбавленные препараты Священного чертога. У них ведь должен быть иммунитет к подобной заразе?

Спросил он ровно, но в его тоне сквозила холодная требовательность, не терпящая возражений.

Эндрю замялся, подбирая слова:

— Теоретически — да. Но в долгосрочной перспективе гарантировать безопасность не может никто. Впрочем, при нынешней концентрации спор риск минимален. Скорее всего. Наверное. По крайней мере, я на это надеюсь.

В Вечном городе не было полноценной лаборатории, поэтому Эндрю не мог детально изучить состав грибка. Однако за месяц разведения этой культуры он пришел к определенному выводу: сейчас экосистема пастбища находилась в равновесии. Слишком мало грибка — и мутанты останутся голодными; слишком много — споры разлетятся по округе, угрожая здоровью обычных людей.

«Его моральные ориентиры застряли в ушедшей эпохе. Но реальность всегда далека от идеала»

По волосам Альфы стекала дождевая вода, очерчивая резкие, безупречные линии его лица.

Эндрю услышал его тихий, доносящийся сверху голос:

— Ресурсы Вечного города не безграничны. Поступай по обстоятельствам. Если кто-то окажется настолько неудачлив, что заразится... Что ж, лаборатории на Базе выживших как раз не хватает свежих биологических образцов.

На этих словах он осекся и бросил взгляд вдаль.

Соседний холм возвышался примерно в семистах метрах от пастбища.

Сквозь пелену дождя и тумана мир казался вымершим. Вокруг не было ни единой живой души, кроме запертых в вольерах грибных тварей, а чахлая трава, пробивавшаяся сквозь раскисшую глину, выглядела безжизненной декорацией к какому-нибудь постапокалиптическому фильму.

Но на вершине холма отчетливо вырисовывался силуэт.

Кто-то пристально наблюдал за ними. Сквозь дымку угадывались хищные очертания мутанта: темно-бордовая чешуя, мощный хвост, острые когти и оскаленные зубы. На его фоне громоздились еще более жуткие, бесформенные тени его сородичей.

Это был Иезекииль.

Альфа редко испытывал к кому-то личную неприязнь. Разумеется, он на дух не переносил всех дышащих существ (да и некоторых недышащих тоже), но это была скорее брезгливость, нежели враждебность. Как у человека, который терпеть не может кинзу или картошку: он просто не станет их есть, но и уничтожать посевы не побежит.

Враждебность — это ведь тоже форма признания. Альфа недолюбливал Лояна вовсе не потому, что в том было много «крахмала». Просто Лоян напоминал ему противопехотную мину: никогда не знаешь, в какой момент он рванет.

Но сейчас, глядя на Иезекииля, Альфа ощутил укол чистой, иррациональной неприязни, которую невозможно было объяснить логикой или алгоритмами. Да и ежу понятно, что этот напыщенный мутант вырядился вовсе не ради него.

Впрочем, какая разница? Мутанты полезны Базе выживших, только и всего.

Альфа слегка усмехнулся и незаметно скорректировал позу. Быстрый расчет угла обзора Иезекииля позволил ему принять наиболее выигрышный и элегантный ракурс.

Ну и пусть тот красуется в церемониальном облачении Священного чертога.

Зато этот костюм Альфе купил лично Сян Наньли!

Восточный Зелёный Император снисходительно кивнул Иезекиилю и с поистине царственным достоинством протиснулся... в кабину дребезжащего стариковского трицикла.

Эндрю услужливо захлопнул за ним хлипкую дверцу.

— Сяо Цин, почему ты так долго возился? — Сян Наньли набросил сухое полотенце на голову Альфы и принялся бережно вытирать его мокрые волосы. — Весь до нитки промок.

В его голосе звучала неподдельная забота.

Встретив этот теплый, полный нежности взгляд, Альфа приложил немало усилий, чтобы сдержать глупую улыбку.

— Да так, расспрашивал Эндрю о делах на пастбище, — максимально равнодушно отозвался он. — Ничего особенного.

Старенький трицикл затарахтел по ухабам, немилосердно подбрасывая пассажиров на каждом ухабе. Сян Наньли то и дело качался прямо перед его лицом.

Протерев Альфе лоб, юноша коснулся пальцами его щеки. Кожа андроида под его ладонью казалась теплой и мягкой, под ней угадывались точеные скулы. В тесной кабине они сидели почти вплотную. Сян Наньли смотрел на него так сосредоточенно, словно решал сложнейшее уравнение.

За тонкими стеклами бушевала буря, но внутри маленького салона было на удивление тепло и уютно.

Альфа невольно затаив дыхание, перехватил руку юноши. В месте соприкосновения датчики зафиксировали резкий скачок напряжения.

Осознав, что дышать ему вообще-то незачем, Альфа замер.

Его тело напряглось, когда Сян Наньли придвинулся еще ближе. Расстояние между ними стремительно сокращалось.

И вот, наконец...

«И на что я, черт возьми, надеялся?»

Сян Наньли легонько помял пальцами его мочку уха и с глубоким вздохом спросил:

— Сяо Цин, у тебя волосы вообще отрастают? На поверхности дожди ядовитые, не очищенные. Будешь часто под них попадать — облысеешь. Да и кожа... Тебя потом перекрашивать не придется? У нас в бюджете лишних денег нет.

Он принялся вертеть его голову то так, то эдак, ощупывая лицо и дергая за пряди с дотошностью ветеринара, осматривающего породистого жеребца.

Альфа: «...»

Настроение у Иезекииля было паршивым.

Он простоял на вершине холма до самых сумерек, напрочь проигнорировав ужин.

Сяо Хун проголодался пуще прежнего. Ткнувшись мордой в бок вожака в поисках ласки, он тут же получил тяжелым хвостом по физиономии.

На правой щеке ползуна мгновенно надулась внушительная шишка. Посчитав, что нарушать симметрию негоже, Сяо Хун покорно подставил левую сторону.

Хлесткий удар хвоста не заставил себя ждать.

Довольный ползун попятился назад, где его тут же обступила озадаченная свита, разразившаяся многоголосым поскуливанием и рыком.

* «Сяо Хун, за что тебя босс огрел?»* — раздалось глухое поскуливание сородичей.

* «Сяо Хун, когда жратва? Если сейчас не поедим, я Хэймао сожру!»*

(Хэймао плелся в самом хвосте процессии. Ему было всего две недели от роду, но в длину он уже вытянулся почти на три метра).

Услышав это, несчастный малыш в ужасе попятился назад, вытаращив все свои восемь глаз.

* «Да что вы понимаете! — гордо задрал морду Сяо Хун. — Это же проверка на прочность! Вы бы рискнули подставить башку под хвост вожака? Да вам бы черепушки в щепки разнесло! А у меня всего лишь щеки распухли!»*

* «Ого-о-о!»* — сородичи прониклись благоговейным трепетом.

* «Вот вырасту сильным и большим, тоже пойду нюхать хвост босса!»*

Иезекииль прекрасно слышал этот мысленный бред, но из-за отвратительного расположения духа у него не нашлось сил даже на то, чтобы цыкнуть на подчиненных.

Сяо Хун и не подозревал, что его болезненная тяга к симметрии заложит основы новой традиции. Пройдет время, и хвост Иезекииля станет для обитателей Базы культовой достопримечательностью, у которой каждый сочтет за честь получить затрещину.

Спустя четверть часа орда мутантов лавиной хлынула на пастбище. Они обглодали грибных быков и овец до костей, не пощадив даже забившихся в углы вольеров жирных кроликов.

Раздраженный Иезекииль с хрустом перекусил кроличий череп.

И на что он вообще рассчитывал?

Вечерняя школа

Осмотрев пастбище, Сян Наньли ближе к вечеру заглянул в местную столовую. Он честно расплатился купонами трудодней, которые одолжил у Эндрю, наотрез отказавшись от бесплатных угощений.

Робот покорно семенил следом, чувствуя себя мелким клерком перед визитом высокого начальства.

Еда в столовой оказалась пресной и безвкусной, но со своей задачей — обеспечением сбалансированного питания — справлялась отлично.

Сян Наньли не привередничал. В их положении глупо было жаловаться на отсутствие изысков; строить из себя изнеженного барина он не собирался.

— Избыточное социальное обеспечение вредит выживанию популяции на ранних этапах. Пока База выживших строится, у людей должно оставаться здоровое чувство голода и легкое напряжение, — надиктовал Сян Наньли своему ИИ-помощнику Сяо Чжи.

На душе у него было беспокойно. С одной стороны, ему искренне хотелось облегчить жизнь тем, кто доверился ему здесь и сейчас. С другой — груз ответственности за будущее человечества заставлял его быть жестким прагматиком. В конце концов, руководить восстанием ему приходилось впервые, и учиться приходилось буквально на ходу.

Жизнь в Ликбез-школе Вечного города закипала только с наступлением темноты. Днем все были заняты на работах: весенняя страда не ждала, а световой день в это время года был слишком коротким, чтобы тратить его впустую.

Сян Наньли бегло просмотрел расписание занятий.

Освоив базовую грамоту, ученики могли выбрать специализацию. Из-за острой нехватки преподавателей выбор пока ограничивался четырьмя направлениями: ткацким делом, ремонтом техники, основами медицины и сельским хозяйством.

— На самом деле, местные и так с детства умеют копать в земле и ухаживать за скотом, — пояснил Эндрю. — Но климат и экология на поверхности за последние столетия сильно изменились. По мере роста города нам неизбежно придется переходить на современные методы ведения хозяйства. Мы должны подготовить специалистов, которые за тем разъедутся по отдаленным поселениям и обучат остальных.

Из окон учебных классов доносились приглушенные голоса учителей.

В самом дальнем углу одной из аудиторий тихо сидел робот Евангелие. Место было неприметным, но косых взглядов на него никто не бросал — среди учеников хватало и других андроидов.

Здесь не было ни проекторов, ни голограмм, ни нейросетей. Преподаватели писали мелом на старых досках, а ученикам приходилось зубрить все наизусть — собственное бумажное производство в городе еще только предстояло наладить.

Знания передавались из уст в уста, как в древние времена.

У доски стоял немолодой мужчина лет шестидесяти с аккуратно подстриженной седой шевелюрой. На его щиколотках поблескивали тяжелые кандалы, а говорил он неторопливо и взвешенно.

Звали его Лайфу. На языке Священного чертога это имя означало «Надежда».

В прошлой жизни Лайфу принадлежал к городской знати — его отец служил миссионером. Раньше он считал, что одно лишь пребывание в одном помещении с грязными крепостными оскверняет его благородную кровь.

В первые дни плена аристократы еще пытались качать права и сыпали угрозами. Но стоило им увидеть, как на плахе лишились голов бывший градоначальник с супругой и верные рыцари Священного чертога, спесь с них мигом слетела.

Тюремщики приносили им скудную пайку, едва позволявшую не протянуть ноги. Озлобленные узники лелеяли в душе обиду и молились о скором приходе карательной армии, которая вызволит их из этого ада.

Однако тянулись дни, недели, месяцы... а спасители так и не появлялись. Они оставались запертыми в сырых каменных мешках.

Как выяснилось, самым страшным испытанием был вовсе не голод, а абсолютная темнота и изоляция. В подземных казематах терялось всякое представление о времени. Пленники пытались отсчитывать часы по приходу стражи, но те не отличались пунктуальностью.

Поначалу охранники еще снисходили до ленивых издевок, но вскоре начали просто швырять миски на пол и уходить, раздраженно ворча:

— Опять кормить этих дармоедов. Только время зря трачу, мог бы на пастбище лишний купон заработать.

Кому-то казалось, что они сидят под замком уже месяц, кому-то — что прошел целый год. Некоторые не выдерживали и накладывали на себя руки. Вера в скорое пришествие воинства Священного чертога оставалась единственной ниточкой, удерживавшей выживших на краю безумия.

Но однажды к ним спустилась девушка из бывших рабынь. Лайфу запомнил ее имя — Хайли. Держа в руках тусклый масляный светильник, она объявила, что в городе открывается школа и новой власти требуются грамотные люди. Каждый желающий мог подать заявку.

Преподавателям по-прежнему полагалось носить кандалы, ограничивающие передвижение,

однако за работу начислялись трудовни. На эти купоны можно было сытно есть в столовой, а при должном усердии — скопить достаточно, чтобы выкупить из тюрьмы своих близких.

Лайфу вызвался первым. Разумеется, он опасался подвоха, но жажда свободы перевесила любые страхи. Уж лучше получить пулю при попытке к бегству на свежем воздухе, чем заживо сгнить в этой зловонной яме.

К счастью, он неплохо владел языком Альянса, знал основы арифметики и естествознания. Экзамен был сдан успешно, и вскоре Лайфу утвердили в должности «внештатного преподавателя».

Ему выделили угол в общежитии — на полу в доме бывших батраков. Хозяева относились к нему настороженно, тайно приглядывали за каждым его шагом и наотрез отказывались заводить разговоры.

Впрочем, теперь их запрещалось именовать крепостными — отныне они гордо звались «гражданами».

Система трудовой действительно работала. За смену Лайфу получал два купона. Днем он наравне с приставившей его семьей трудился в поле, а по вечерам шел читать лекции.

Его класс состоял в основном из юношей и девушек лет двадцати. К бывшему господину они относились со смесью почтения и опаски. Уважать наставника велел лично Эндрю, но забыть о том, что перед ними стоит представитель свергнутой знати, ученики не могли при всем желании.

На своем первом занятии Лайфу не мог унять дрожь в руках, поминутно ожидая, что разгневанная толпа кинется его линчевать. Подобные прецеденты уже случались в соседних корпусах, благо наводящие порядок роботы быстро пресекали любые попытки расправы.

Даже в столовой он ловил на себе полные ненависти взгляды. Простые работяги считали его паразитом, не заслуживающим своей порции. Из-за этого Лайфу, несмотря на свободную раздачу, никогда не позволял себе взять лишний кусок.

У него не осталось амбиций. Единственное, чего он хотел — просто мирно жить и иметь кусок хлеба насущного.

И свое дело он делал на совесть.

Молодежь чутко уловила его старание, и постепенно лед недоверия начал таять. Хозяева дома тоже сменили гнев на милость: теперь Лайфу разрешалось ужинать за общим столом.

Преподавание неожиданно принесло ему ни с чем не сравнимое удовлетворение.

Видя в глазах учеников искреннюю благодарность и тягу к знаниям, Лайфу ловил себя на мысли, что эта простая человеческая признательность греет душу куда сильнее, чем вынужденные поклоны забитых крестьян в былые времена.

Свой новый авторитет он заслужил собственным умом и мозолями.

За время полевых работ у преподавателей не раз выдавался шанс скрыться — надзор за ними за пределами городских стен был чисто символическим.

Коллеги подговаривали Лайфу бежать вместе, но он неизменно качал головой. Спустя пару дней заговорщики тихо исчезли в ночи.

Затем прошел слух, будто в окрестностях города видели дозоры Священного чертога. Один из учителей загорелся идеей пробиться к своим и под покровом темноты ускользнул за ворота.

Наутро вести уроки физики пришел уже другой человек.

Лайфу вскоре узнал, что беглеца растерзали бродячие мутанты. Патруль биохимических воинов доставил в город лишь изувеченные останки.

Но, к удивлению оставшихся, погибшего не стали клеймить предателем. Его похоронили со всеми почестями, подобающими наставнику. На похороны пришла вся школа, и ученики горько оплакивали безвременно ушедшего учителя.

Его предали земле на городском кладбище. После этого случая уцелевшие аристократы притихли, осознав, насколько хрупка их жизнь вне городских стен.

Лайфу лишь молча радовался своей рассудительности. Он не знал, спасла ли его слепая удача или природная осторожность, да и задумываться об этом не желал.

А сегодня в город прибыл таинственный покровитель Вечного города — правитель Базы выживших по имени Сян Наньли.

Расторопные чиновники из новой мэрии еще засветло предупредили учителей о возможном визите лидера. Учеников просили вести себя примерно и не донимать высокого гостя расспросами.

В половине девятого вечера Сян Наньли в сопровождении Эндрю и свиты городских советников неторопливо прошел мимо окон их класса.

Визит длился от силы пару минут, в течение которых ребята прилежно изображали полное погружение в учебу.

Но стоило шагам делегации затихнуть в коридоре, как дисциплина затрещала по швам. Шептаться никто не решался, но раскрасневшиеся лица выдавали бурю бушевавших внутри эмоций.

Лайфу прекрасно понимал их восторг.

До того как этот юноша и его соратники свергли прежнюю власть, у этих людей не было ничего, кроме беспросветной нищеты и рабского труда.

Теперь у них появилась надежда и осязаемое будущее.

Их новый вождь внушал уважение: молодой, харизматичный, деятельный и решительный. К тому же, по слухам, он обладал недюжинным умом и лично починил половину городских генераторов.

И, надо признать, был чертовски привлекателен, хотя для лидера восстания это качество стояло на последнем месте.

Именно таким виделся Сян Наньли бывшему аристократу.

Если бы Лайфу знал, что все перемены в его собственной судьбе и сама идея создания этой школы были личной инициативой этого юноши, его уважение к новому правителю возросло бы стократно.

Сверившись с часами, Лайфу аккуратно положил мел на подставку:

— На сегодня закончим. Урок окончен.

Ученики дружно поднялись с мест, отдавая дань уважения наставнику, и проводили его взглядами до двери.

На выходе из школы его уже поджидал провожатый — младший сын хозяев дома, у которых он квартировал. Парень недавно закончил базовый курс грамоты, но дальше учиться пока не пошел. Мечтал освоить плотницкое дело, да только толковых мастеров в городе не осталось.

— Пойдемте, учитель, — неловко пробормотал юноша. — Я тут тележку смастерил. Ноги-то у вас не казенные, а идти до окраины прилично. Садитесь, я довезу.

— Спасибо, сынок, — благодарно кивнул Лайфу, приноравливаясь к тяжелому шагу. Кандалы на его щиколотках негромко звякнули.

— Матушка похлебку картофельную сварила, вам миску оставила, — добавил парень, берясь за рукоятки деревянной повозки.

Лайфу лишь мысленно усмехнулся. В прежние времена он бы и близко не притронулся к подобному вареву. Знать Вечного города во всем подражала заветам мифических покровителей из Священного чертога: питалась отборным белым рисом, запивая его коллекционным вином и закусывая сочным мясом средней прожарки. Картофель считался пищей для плебеев.

Но за последние недели он понял одну простую вещь: картофельная каша — это чертовски вкусно, особенно с голодухи.

— Ветер холодный поднимается, держите одеяло, — парень набросил ему на плечи старую шерстяную накидку. — Оно у нас одно на всех, так что не думайте, будто это личный подарок.

— Конечно-конечно, спасибо, — улыбнулся старик.

Укутавшись поплотнее, Лайфу устроился на деревянном настиле повозки. На его лице сияла беззубая, но искренняя улыбка.

В свои восемьдесят семь лет Лайфу прослыл среди родственников чудачком. Близких у него давно не осталось, и всю жизнь его сопровождало гнетущее одиночество.

И вдруг он поймал себя на мысли, что за последнее время ни разу не вспомнил о Священном чертоге. Да и возвращения карательных отрядов ему больше не хотелось.

Оказалось, что истинная надежда рождается вовсе не под сводами величественных храмов. Ею делятся те, кто идет с тобой рука об руку по этой суровой земле.

Обсуждение планов развития

Сян Наньли остался полностью удовлетворен проделанной работой.

Вернув расписание занятий на стол, он повернулся к Эндрю:

— Отличная работа. Теперь нужно запустить слух в школе и столовой: объяви, что База выживших набирает толковых специалистов для масштабного строительства. Пусть все желающие вносят свои имена в списки. Те, кто пройдет отбор, получают статус полноправных граждан Базы выживших. Я задержусь в городе, пока мы не наладим бесперебойный канал связи между нашими узлами.

Юноша ненадолго задумался, а затем продолжил:

— Не стоит делать из Базы выживших абсолютную тайну. Преподнеси это так: наша структура — это наследие древней мегакорпорации, которая еще во времена Первого кризиса мыслящих машин создала автономное убежище для своего персонала. Большая часть наших людей до сих пор погружена в анабиоз в криокапсулах.

Он загнул один палец:

— Но сейчас передовой отряд посчитал, что находиться на поверхности стало относительно безопасно. Мы вышли из капсул и приступили к планомерному освоению земель. В нашем распоряжении передовые технологии, высококласное оборудование и великая цель. На Базе нет недостатка в продовольствии и энергии, там царит закон, порядок и полное равенство. А вот координаты нашего убежища пока держите в строжайшем секрете.

На первых порах ореол загадочности был жизненно необходим — Сян Наньли всерьез опасался, что соседние анклавы могут попытаться напасть на них, прознай они об их малочисленности.

Эндрю озадаченно почесал металлический затылок:

— Погодите... Но разве у нас все это есть? Нас же на всей Базе от силы полтора десятка человек наберется!

— Если чего-то нет, значит, мы это добудем, — Сян Наньли ободряюще похлопал робота по плечу. В его глазах горела непоколебимая решимость. — Людям на этой выжженной земле нужен ориентир. Своя утопия. И если они поверят в нее, однажды она обязательно станет реальностью.

<http://bllate.org/book/18349/1763526>